

УДК 23871278
ББК 78.87
С23

Столицын Н. Г.
С23 Хроники Харона / М., 2007. — 144 с.

ISBN 2833987898989

Хроники
Харона

ISBN 2833987898989

© Николай Столицын

Ув. читатель,

я обращаюсь к тебе, не зная ни твоего имени, ни твоего социального статуса. Я просто хочу немного рассказать тебе о книге, которую ты держишь в руках, и о тех, кто работал над нею, вкладывая в нее — себя.

Мы едва ли похожи друг на друга, мы такие непредсказуемо разные, и все же мы — целое. Нас объединили не эстетические постулаты, не общность культурных традиций. И, конечно, не желание заявить о себе заставило нас издать эту книгу. Мы просто творили невзрачный и маленький мирок некоего А., архивариуса и книжника, желающего по-своему рассказать истории Великих писателей, путешественников, летчиков и т. п. И каждый из нас старался привнести в уже обозначенное другими — новые, видимые только ему черты...

СТОЛИЦЫН, *автор*

Первая строчка, самая необходимая, самая капризная... «Монитор мерцает резво». Резво мерцает? И я увидел... типический монитор. Такой же, или почти такой же, мерцает напротив меня. Но этого мало! И я уставился, и не в собственный монитор, но в тот «увиденный», или уже не я... уставился — и услышал знакомое щелканье клавиш. Щелк, щелк... Я еще не видел пальцев, ударяющих по клавишам, но я слышал щелканье и прочитывал в мониторе знакомые и незнакомые строчки. Дальше — запах горелого пластика, все то же пресловутое щелканье и — голоса, тысячи голосов, и каждый из них жаждал, чтобы услышали именно его, услышали и помогли воплотиться. И я, или тот — другой, выдуманный, увиденный мною, щелкал, не переставая...

ПРИЛЕПСКИЙ, *художник*

Он прочитал не запечатленное, стиснутое между строк, но все еще неясное, усколь-

зающее, прочитал — и взялся за карандаш. Линия, линия... Все быстрее, все яростнее — и у того, кто щелкал выдуманными клавишами... тонкие, нервные пальцы... линия, линия — и пальцы впиваются в клавиши — и застывают, и впиваются снова, и я вижу не только пальцы и монитор, я вижу спутанные волосы... линия, линия... нет, еще слишком рано, вначале необходимо нащелкать, необходимо помочь прозвучать.

ВАКУЛЕНКО, *корректор*

Он вслушивался, вслушивался настроженно и внимательно. И монитор, мерцающий соразмерно щелканью клавиш, — он не прочитывал в нем слова, он помогал прочитывать эти слова — мне. И когда я сбивался — и уходил в сторону от пальцев и щелканья, путаясь в нагромождении предлогов и тире, он помогал мне вернуться. И голоса, услышанные А., обрели, наконец, плоть, обрели реальную, осязаемую плоть — знака, слова, строки.

ВОРОБЬЕВ, *верстальщик*

Осталось закрепить А. и его голоса на книжной странице, отделить пальцы от клавиш, узаконить, упорядочить пока еще хаотические силуэты и контуры, чтобы и ты, читатель, мог увидеть, услышать, почувствовать. Узаконить... и он усаживается к монитору и расставляет все «по местам». И, ставшие знаками, А. и его голоса впечатываются в электронную плоскость, чтобы, пройдя через типографию, обернуться настоящей страницей.

А есть еще и те, кто остались за кадром, — первые читатели. Они принимали и не принимали «хроники» и странноватого А., они спорили со мною до хрипоты (чаще всего — моей), но благодаря их искреннему вниманию А. окончательно отделился от строк и щелкнул вполне настоящими клавишами. Всего лишь искреннее внимание...

Так вот, небольшое усилие тех, о ком я уже рассказал тебе, — и монитор, изначально

увиденный мною, разлетелся на тысячи строк, и в каждой из них звучали голоса — незнакомые и знакомые, и каждый из них рассказывал — нам? или А.? — о себе. Папа Эйч, Нобелевский лауреат — или всего лишь заядлый рыбак, выживающий из океана своего Я фабулу очередной повести, сверкающую чешуею лирических строк; гениальный мальчишка Артур Рембо, обретающий свободу под африканским небом, что отменно рифмуется с «капитаном Пьяного Корабля»... Блистательные Ловцы Солнечного Ветра, который прозвучал в строчках Рембо, двигателе Мациевича, турбинах Гагарина, а теперь прозвучит и в нашей книге! Прозвучит для тебя! Ведь ты, я надеюсь, не останешься безучастным... Может, именно от тебя зависит дальнейшая судьба оцифрованного и пропечатанного А. и его многочисленных «хроник». Просто... переверни страницу — и постарайся увидеть то, что «прячется» за четкою графикой строк. Поверь, мы оставили место и для твоего отношения, твоего взгляда.

Итак,

«монитор мерцает»...

открытия:
никаких

Монитор мерцает резво...
Так, подмигивает словно...
Но читается в мерцанье —
Только строчка о... вселенной?

А. мигает... от восторга:
О вселенной он не думал,
Набирая о похмелье —
Продолжительном, конечно...

Но вселенная закралась...
Меж похмельем — и похмельем?
Может, он писал... о Вере
И ошибся в написанье?!

Но от Веры до вселенной
И не слоги, и не буквы...
Значит, Вера, как причина,
Несомненно, отпадает...

Все немедленно очистить,
Т. к. в поисках причины
Можно запросто «зависнуть»
Меж вселенною и Верой...

Лучше выпить, скажем, пива
И расслабиться немного,
И подумать о похмелье
С точки зренья медицины...

Rimbaud: труба

Le Bateau ivre
Застыл на стапелях строк,
В смятых черновиках...
В нагрудном кармане...

Благодетель Верлэн
Угостит его выпивкой...
...пьяный мальчишка
Выкрикивает свои вирши —
Что может быть забавнее?!

Черновики свернуты...
Трубкою...
Почти что — трубою...
Если рассматривать через нее
Ленивые воды Сены,
Можно...
Увидеть...

Черт подери!..
Огненным шаром
Выкатывается Солнце
В просторное небо Африки,
И джунгли становятся
Настолько близкими,
Что, стоит протянуть руку, —
И коснешься...
Коснешься...
...о, блаженство:
Стоять у самого края
Невзрачной набережной —
И рассматривать в трубу
То, к чему так стремится —
Твоя — все еще мальчишеская — душа...

Whitman: звезды

Очередной... калека
Заик-кается, утверждая,
Что руку ему оторвало
Именно ядром...
Описывая подробности боя,
Не забывая о форме ядра,
Он, безобидный и пьяный,
Машет культею
Перед носом Уолта...
И ухмыляется —
Доверчивости этого...
Великана...

Скорее всего,
Виноваты не южане,
А лесопилка,
Или, того вероятнее, —
Колесо телеги...

Ах, до чего же яркими
Кажутся Уолту
Вовсе не старческие глаза...
Яркими...
Как мириады светил
Над его, Уолта, Дорогой...

Всего лишь —
Пара светляков,
Но крошечная тьма
Фатального...
Тотального одиночества
Пусть ненадолго,
Но озаряется...
Таким тихим мерцанием...

Baudelaire: облака

Облака легкою дымкою
Пронесятся над землею,
Ежесекундно меняя...
Очертания...

Даже не отрываясь
От письменного стола,
Он явственно видит:
Легкою дымкою...
Ежесекундно...

Уже который день
Не отпускает его
«Проклятый» гашиш...
...стоит ему коснуться бумаги, —
Не строчки, но облака —
Срываются с его пера...

И плывут —
По ворсистой поверхности...

Как замороженный,
Он разрывает черновик...
На клочки...
Швыряет их в окно...
И ему кажется, что они —
Поднимаются все выше...
Легкою дымкою
Уносятся в небо...
Ежесекундно меняя...
...он машет им вслед, —
Заранее зная, что издатель
Откажется признать за ним авторство
Тысячи пушистых обрывков,
Плывущих в направлении Солнца...

Пушкин: трясёт

Карета...
Барона, кажется...
Утроба огнем...
Занялась...

Трясетя карета,
Убаюкивает...
И размер странный
У тряски —
Не разобрать никак...
«Бу-ря мгло-ю...» —
Значит, хорей...

Трясет карету...
Утроба горит...
Жаль, что в живот, —
Лучше уж сразу...

«Буря мглою...»
Исписался Сашка,
Сам себе вторит...
Исписался...
Закричать бы...
Заплакать...

Горит, трясет...
Не карету трясет, —
Утробу...
И обидно...
Аж горло перехватило:
Лицеистика Сашку —
В брюхо из Лепажки...
Маленького, вихрастого —
В брюхо...
И все — ни слез, ни крика...

Блок: пощечина

Физиономия —
Идеально бледная...
Вылитый Пьеро...
Только...
Мешки под глазами,
Ввалившиеся щеки...
...ах да, ведь Пьеро
Несколько постарел...
И рабоче-крестьянский паек
Тоже дает о себе знать...

А главное, —
Уже не арлекин Бугаев
Отвешивает ему пощечины,
Но окружают его —
Исключительно арлекины...
Красные арлекины...

Дергая кадыком,
Принимать подношения
Революционных паяцев,
Старательно кривя
Разбитые губы...
Принимать...

...и он принимает,
И он знает, —
Что его —
Единственная...
Ответная...
Пощечина —
Прозвучит еще
Рифмованным ветром
И чеканным шагом 12-ти...

Андреев: шлюха

Рыжая, чувственная —
Она утешит его...
Она...

И не стоит...
Торопиться:
Наверняка, она успела
Разглядеть в его глазах
Неистовое желание...
...он опрокинет ее —
На несвежие простыни
И станет терзать —
Ее розовую плоть...

«Мария...»
Она не поправит его, —
Настолько странными

Ей покажутся —
Его речи...
Его ласки...

Она обжигает...
Она сжигает...
...рыжая, чувственная,
Поймет ли она,
Что, изливаясь на ее живот,
Он в который раз
Уверится в том, что ошибся,
Что она — не Мария,
Что напрасно пытается он —
Отделаться от хмурого иудея,
Который — казалось бы —
Является — всего лишь —
Частью его черновика...

Юровский: навсегда

Просматривал хроники
С участием —
Гражданина Романова:
Счастливый глава семейства,
Он и на экране выглядит..
Весьма невразумительно..
Весьма не..
Весьма...

Проверил наган:
Барабан полон..
Курок туговат,
Но «сработает»..
Безотказно..
...все закончится,
Стоит только —
Нажать на курок...

Немного порошка..
...время остановилось:
Ударный механизм —
Медленно..
Слишком медленно..
Разбива-ает капсуль..

И не царя, но его самого —
Толкнуло в грудь и обожгло..
И он... вскинул руку, —
Пытаясь закрыться..
И закашлялся, и прошептал,
Пускай кровавые пузыри..
«Господи», — и понял,
Что это останется с ним..
Навсегда...

открытия :
начинает

Описать души томленье...
Не души, а пищевода...
Не томление, а сухость...
Даже жжение, пожалуй...

...чуть подумал о похмелье,
Как оно и подступило —
Тошнотою, липким потом...
И «перстов» дрожаньем мелким...

А в проклятом мониторе —
Чистота и непорочность:
Ни единой, значит, строчки, —
Лишь мерцающее «ничто»...

Так, по клавишам ударить,
Так, немедленно собраться —
И «лирическим потоком»
В монитор опять излиться...

Вот — мучение таланта,
Обреченного на поиск
Подходящего размера
И сюжета позабавней...

Ну о чем писать, скажите?!
О компьютерах и Сетке,
И о всяческих, о прочих,
Проявлениях Прогресса?..

Rimbaud: супружество

Она распишется
В вахтенном Журнале
И заметит, что пятна...
От соуса —
Едва ли похожи на кровь...

Кружевная перчатка
Покроется —
Налетом плесени:
Его избранница —
Старательно обшарила
«Корабельный» сейф...

Долговые расписки
И потертая карта —
Невеликий улов...
Но когда она примется

Терзать его «сокровище»
Маникюрными ножницами,
Изготавливая салфетки
С рисунками якорей,
И объявит, что капитану,
Списанному на берег, —
Необходимы воздержание
И строжайшая диета...

Он лично —
Зарядит кормовое орудие
Ее надушенным бельем...
...и затрещит весело фитиль...
И, салютуя безутешному ангелу,
Отягощенному кастрюлями и грудью,
Он — капитан Пьяного Корабля —
Велит — поднимать паруса!..

Гагарин: полет

Озорник Юра
Раскинул руки —
И несется...
По школьному...
По летному полю...
Перепрыгивает...
Перелетает...
Канавы, —
Представляя,
Что он...
Как минимум...
Чкалов...
И разговаривает по «рации»
С диспетчером аэродрома...

На вираже...
Огибая...

Приятелей,
Он —
Яростно загудел,
Изображая мотор...

Скоро звонок...
С перемены...
Но топлива — бутербродов? —
Хватит еще на один круг...

...не замечая, что учитель,
Т. е. начальник аэродрома, —
Грозится неудами, —
Юра заходит на посадку,
Чувствуя...
Как подрагивают «закрылки»
И ноют сбитые до мозолей «шасси»...

Bukowski: пробел

«Тошнота как направляющая...»
Растянул «ю», —
И едва не сблевал —
Прямо на «машинку»...

Никогда ему не везло
С этими мудреными словами...
Он и читает, —
Избегая подобных слов...
Они раздражают гортань,
Вызывая...

«Направляя...»
Так и оставить...
Еще бы подсократить
Утомительные реплики
Олитературенных шлях...

«Олите...»
Щелкнуть «пробелом»:
Достаточно и нейтрального —
«Направляя...»
Главное,
Черт возьми,
Не слова,
Не эти —
Проклятушие сгустки
Его настроения...
Главное, что mr. Чинаски
Может позволить себе
Скомкать заказ —
И отправиться за пивом,
Рассуждая велере... и многозна...
О сиськах владелицы магазина...

Рушева: смех

Рисовать —
Кучерявого...
Сашку...
Линии тонкие —
Даже не про-
давливают бумагу...
...задержала перо —
На верхней губе:
Какая капризная...
Но глаза, но улыбка...

Последняя черточка,
Вовсе не обязательная,
А Сашка...
Мотнул головою —
И рассмеялся...
Александр Сергеевич,

Бронза и Академия, —
И ее Сашка...
Курчавый, смешливый...
Живой...

Жалко...
Что рассмеялся он
Только для нее,
Что остальные —
Удивятся возрасту,
Но не услышат...

Впрочем, —
Пусть хотя бы для нее
Рассмеется залиvisto ее Сашка,
Арапчонок, в глазах которого
Она прочитала — вечность...

Richthoffen: соперник

Проверить затворы —
И, закусив губу,
Ринуться навстречу...
...за штурвалом —
Безусый юнец...
Но...
Такое презрение?

Наверняка —
Его любят женщины...
Любили...
И нажал на гашетку...
Лю-би-ли...

Вот, сейчас —
Презрение сменится...
Ужасом...

...пулеметная очередь
Буквально разрезала
Корпус «фармана»,
Но этот... русский,
Он махнул ему,
Давая понять...
Что бой не окончен...
...Боже, ну неужели,
Неужели небеса
Послали ему —
Достойного соперника?

Что ж...
И взять под козырек:
Они еще встретятся —
И тогда барон покажет ему
Несколько новых трюков...

Достоевский: падучая

Бьется в падучей...
И не Феденька даже...
Вся Россия...

А глаза ее...
Знает Феденька:
Стоит заглянуть в них, —
И такое оттуда хлынет...
Лучше уж зажмуриться...
И повалиться...
И провалиться...

И сотрясается тьма,
Колотится в горле самом,
Пеною на губах выступает...
Поднимается из сердца его...
Или — не его сердца...
Может, России...

И заваливается Феденька,
Дитя ее ненаглядное,
И она, Россия, —
Заваливается...
И бьется, бьется, —
Чтобы с пеною, с кровью
Выдохнуть: «Господи...» —
И забыться — с улыбкою,
Словно услышали... или услышат, —
Не сейчас, так потом...
Услышат — и оботрут пену,
И шепнут ласково: «Встань — и иди...»
И встанет она — и пойдет,
Даже если Феденька ее —
Лежать останется...

Пушкин: шестой

Руки трясутся...
Губу закусил,
Чтобы не вырвалось
Продуманное — и пустое:
«Кончено»...

Всю ночь рисовал
Перекошенные тела
С мешками на головах...
После — пересчитал...
Шестеро...
Значит, шестого — себя...
Пересчитал и услышал —
Под барабанный бой:
«Личным повелением...»

Задохнулся...
От ненависти...

Еще не повис,
А уже задохнулся...
Отчего же они молчат?

Ах, да ведь... его ждали,
Знали, что он — сможет...
Так, чтоб в века...
Сквозь мешковину...
Сквозь строй образцовый...
...во рту пересохло,
Языка не повернуть...
Они ждут, и площадь, и Россия...
...и шепотом, еле слышным,
От которого в дрожь:
«Я помню чудное...»
Дальше — вечность...

открытия :
начинает

Может, так: сравнить «машину»
И сознание... человека,
Мол, такие же процессы
И строение похоже...

Мол, и память человека
«Разбивая» на сегменты,
В результате получаем...
(Тошнота невыносима...)

Вот «машина», вот носитель
Настоящего... таланта,
Что бессмысленно тарасит
В монитор «пустые очи»...

Ни названья, ни зачина,
Ни... одной, простите, мысли,
Только — мерное гуденье
И мерцанье монитора...

Только — мерное дрожанье
Перегретого сознания:
Состояние процесса...
Не имеющего цели...

«Зависает» поиск слова,
Т. е. линии сюжетной...
Может, лучше о похмелье?
Тема, в общем, актуальна...

Мусоргский: партитура

Прислуга протягивает ему
Засаленные счета...
Он швыряет, не считая,
Радужные бумажки,
Потирает опухшую рожу,
Прислушивается...

Водка уже не согревает
Его оледеневшую утробу,
Но... он глотает ее жадно,
Стараясь попасть в такт
Покашливанию прислуги...

Покачивая тяжелеющей голово-ою,
Он повторяет, повто-оряет:
«Еще одно...
Последнее...»

Воняющая рвотой партитура стола...
Нотными знаками кажутся ему —
Раздавленные мухи...
Он прочитывает в них
Партию Пимена...
Смахивает лишнюю ноту
Грязным мизинцем...
Выплескивает остатки водки
В пересохшую глотку
И затягивает срывающимся...
Тенором, басом... черт знает чем:
«Еще одно последнее...» —
И понимает, что кончено,
Что больше и дальше — ничего,
И, слыша отдаленный перезвон,
Улыбается счастливою, пьяною улыбкой...

Napoleon: карта

Его руки пахнут
Пилюлями и трюфелями...
Если бы они
Пахли порохом...
Он рассматривает
Свои пальцы:
Еще недавно
Он касался ими
Походной карты,
Указывая генералам
Пути к отступлению...
Указательным он скользил
По вощенной поверхности,
Он улыбался...

...там, где скользил его палец,
Остались лежать —

Тысячи обмороженных,
Зарубленных казаками...

Всего лишь прикосновение,
Легкое скольжение пальца —
И его гвардейцы,
Так и не увидевшие неба Франции...

Карта обманула его...
Гладкая, вощенная, —
Она обернулась снегами и болотами...
...он все так же склоняется над нею,
Все так же скользит его палец,
Только теперь... окружают Императора —
Разве что мертвецы, готовые и еще раз...
Пройти этот путь — до конца...

Bradbury: рукопись

Листы его рукописи...
Он выуживал их из «машинки»
И закрывал на какое-то время
В ящике стола или бюро:
Они настолько горячи,
Что обжигают пальцы...

Монтэг уходит из Города...
И Рэй — уходит из Города...
И слышит размеренный скрежет...
Это механический пес —
Идет по его следу...

...вытереть физиономию,
Платок...
Лучше сжечь,
Иначе пес обнаружит его...

По запаху пота...
Страницы рукописи
Уже остыли...
Если их облить уксусом,
То и они утратят запах...
Теперь — «машинка»...
Упрятать ее в чехол —
И прочь из мотеля...

Он старательно «заметает» следы,
И только ночами...
В грязном номере очередного мотеля
Он усмиряет взбесившееся сердце,
Заправляет в «машинку» листы, —
И его Монтэг делает очередной шаг
Навстречу настоящему бытию,
Полному росы и типографского шрифта...

Врубель: естество

Кислая физиономия врача...
Нанести —
Легкий абрис улыбки
Поверх...
«Чистовика»...
...а уж если дорисовать, —
То не движение губ,
Но то неуловимое,
Что происходит внутри...

Он всегда рисовал —
Внутреннее...
Он вспарывал
Карандашными линиями
Устоявшееся, внешнее, —
Чтобы уже красками
Воплощать подлинное...
Искомое...

Оно —
Сопrotивляется,
Оно —
Старается огрубеть,
Старается застыть
Определенностью —
Оттенка,
Основательностью —
Избранной интонации...

Вот и сейчас —
Он заливает белилами часть «холста»,
Чтобы заполнить ее заново,
Но уже сообразно своему представлению
О специфике естества...

Morisson: сердце

Опустить
Свое рыхлое тело
В горячую воду...
...парижские мотели
Куда комфортнее
Того «студийного» ада,
В котором он существует,
Начитывая свои «откровения»
На магнитную ленту...
...особенно ему удастся
Последняя строчка,
Когда его связки вибрируют,
Отторгая словесную слизь,
А сердце...

Вода воистину горяча,
Стоит добавить холодной...
Руки не слушаются...

Вода — горячая —
Охватывает его плоть...
Проникает внутрь,
Заливает его утробу...

Его сердце —
Бултыхается в горячей влаге,
Гоняя по жилам...
Уже не кровь, но горячую...
А может, это и есть кровь —
«Индустриальная» кровь,
И в груди у Джима —
Поочередно хлюпает клапанами
Маленькое изношенное сердце
Блистательного Парижа...

De Sade: мораль

Служанка оказалась понятливой:
Столь артистически
Подставить свою задницу
Под удары кнута...

Ненавистная Мораль,
Общая для его времени...
С каким пристрастием
Он завалил бы ее...
На постель...
Сорвал бы с нее
Монашеское одеяние...

Ему —
С его обонянием —
Так непросто обмануться
Навязчивым ароматом святости:

Ее промежность сочится
Вовсе не ладаном или миррой...
...этот запах —
Сводит его с ума...
...обвинять его
В распущенности и цинизме,
Истекая при этом —
Обыкновенною смазкой...

Насмешливыми скабрзностями
Довести ее до белого каления,
А когда она бросится к нему,
Срывая исподнее, —
Отвесить ей пощечину —
И, насвистывая...
Нечто пасторальное...
Отвернуться...

Rimbaud: ветер

Гниющая нога...
И жаркое дыхание...
...матушка бормочет:
«Ave, Maria», —
Меня повязки...

Он смотрит на ее руки,
И так хочется ему —
Потребовать...
И не зануду священника,
Но бумагу — и перья:
Он станет окунать их
В собственный пот...
И осторожно, с опаскою
Заполнит...

Строчка, пахнущая потом, —
Жаркое дыхание...

Самого Артура...
Жаркое...
Но уже африканского ветра,
Высушит терпкую влагу, —
И тогда... боль,
Что, практически, невыносима,
Станет пульсировать,
Ритмически подчеркивая размер...

...он напишет, как ветер
Сдувает с его ладоней —
Песчинки минут,
Отпущенных ему небесами,
И последнюю песчинкою —
Срывается с его ладоней...
Его собственная душа...

открытия :
начинает

Тошнота, похмелье, Вера,
Тошнота, похме... пожалуй,
Снова чертова Система —
«Зависает», «за-ви-са-ет»...

Набросать «на автомате»,
Т. с., стихотворенье
И «забросить» — непременно —
На страницы сетевые...

Чтоб читатели, которых
У него не больше сотни,
Убедились, что похмелье
Не способствует работе...

Ни работе, ни... вниманью,
Что читается меж строчек..
Ни к работе отношенью..
Что читается все там же...

А... зачем?.. и А. томится,
И по клавишам порхают
Не «персты» уже, а пальцы,
Набирая заголовок —

«О превратностях похмелья»..
Затянулось ожиданье:
На развитие сюжета —
Ни единого намека...

Булгаков: трубка

Рывком поднимая трубку,
Ожидая услышать...
Всего лишь участие,
Всего лишь несколько
Ничего не значащих слов...

Он переговаривается
С выдуманным вождем,
Он подарил ему —
Верного пса и звучное имя...
Но короткие гудки
Зачеркивают не рукописи М. А.,
Они зачеркивают его жизнь...

Может, выдумать
Не только вождя,
Но и сам разговор...

Выдумать интонации...
А чтобы реплики
Не перекрывали
Первоначального замысла,
Дополнить их —
Тяжестью трубки
И неподвижностью рычага...

Нет, не сходится...
Это превыше его сил...
Трубка, рычаг и негромкое «товарищ»...
...еще никогда не обманывали его
Строчки черновика,
Не обманули и на этот раз:
«Вар-Равван!» — взревела толпа,
И отголосками этого рева
Захлебнулась молчаливая трубка...

Bradbury: ракета

Все сложнее
Старине Рэю —
Представлять,
Как его детище,
Его серебристая ракета
Отрывается от Земли —
И, дрожа металлической дрожью,
Пронизывает тяжелые небеса...

Кровь...
Его собственное топливо —
Настолько разбавлено виски,
Что «двигатель» работает...
С перебоями...

Кардиолог из Центра
Заменил
Для старины Рэя —

Ракетного техника...
...но даже если
Перебрать и смазать
«Двигатель» самого Рэя,
Расшатанный клапан...
После первого же стресса...
Окончательно «слетит»...

Вот она —
Участь
Отважного покорителя
Космической бездны:
Потихоньку ржавеет
За потертой «машинкою»,
Набирая уже привычное:
«Топливо на исходе...»

Че: урок

Он расхаживает
Между рядами,
Всматриваясь
В лица учеников...
Такие светлые, праздничные...
Он расскажет им о Революции,
Расскажет о пламенной Кубе...

Они не станут
Перебивать учителя:
Молчаливые,
Сосредоточенные,
Они смотрят —
На разгоряченного Че...

Потом —
Он ответит
На все их вопросы...

...кусочек мела —
Крошится в его пальцах,
Когда он пишет
На классной доске
Имя Фиделя...

...когда он увидел
Дуло М16,
Он даже не испугался...
Только подмигнул ученикам
И махнул рукою, —
Давая понять,
Что урок закончен...
...и серебряным колокольчиком
Прозвучал в пустом классе
Одиночный сухой выстрел!..

Савинков: Демонация

Одетые в штатское,
Гг. дознаватели
Чертовски вежливы:
Вежливо —
Разбивают в кровь
Его губы...
Вежливо —
Выбивают из-под него
Табурет...

Он тоже старается...
Вежливо сплевывает кровь,
Чтобы не обрызгать
Их американскую обувь...

...вполне цивилизованные
Молодые люди,
Они поглядывают на него

Несколько свысока —
Для них он уже история...

Подчас —
Он слушает не вопросы,
Но удары своего сердца:
Часовой механизм —
Все еще безотказен...
...ах, если бы в жилах его
Текла гремучая ртуть...
...хлопнуть в ладоши,
Выделяя особенно удачные
Умозаключения «товарищей»...
Ртуть сдетонирует, —
И мир, отторгающий Mr. Savinkoff,
Разлетится на окровавленные куски!..

Misima: время

Время отторгает их...
Время лишает их —
Прежней стойкости и силы...

Его верные ученики
Помогут ему —
Перейти на Ту Сторону...

Плеснуть —
В лицо Времени
Горячею кровью
Последнего самурая...
...и рассмеяться, видя,
Что отирается оно
Toilet-рарер...
Оттирается и отводит
Подкрашенные глаза..

...резкая боль
Полосует его требуху,
Но всего себя,
Всю свою...
Несгибаемую волю
Вложил он в смех...
И отпрянуло Время...
И тончайшими лепестками
Осыпалось к его ногам...
И он ступил на них
И, заваливаясь, шагнул...
Навстречу сиянию,
Которое уже не слепило его,
Но казалось продолжением
Закатившегося во тьму
Его последнего дня...

Nietzsche: канн

Доктор участливо заглядывает
В его расширенные зрачки...
И проваливается —
В то мятущееся, не знающее покоя,
Что выплескивается наружу,
Тяжелыми каплями
Стекает по морщинистой коже...
Застывает на вислых усах...

Убедить себя в том,
Что это — слезы,
И, оставив рецепт,
Распростаться с хозяйкою...
И выйти из дома...
(Собираются тучи,
Солнца уже не видно...)
Запрокинуть голову...

...все то же мятущееся,
Не знающее покоя...

Капли дождя...
Застывают, не опускаясь на землю...
Мятущееся, не знающее...
Выплеснулось из огромного зрачка...
...и услышать приглушенные стоны,
И представить, что Негг Профессор
Видит над собою вовсе не потолок,
Но именно мятущееся...
Не знающее...

И бежать прочь —
От этих скрестившихся взглядов,
Чувствуя, насколько тяжелы и стремительны
Капли дождя, всего лишь капли дождя...

Мацневич: штурвал

Почти не дыша,
Он коснулся штурвала
Кончиками пальцев...
И... отдернул их —
Настолько раскаленным
Показался штурвал...
И закусил нижнюю губу...
...разодетая публика
Запрокинет головы
И станет обсуждать
Его виражи...
...ему так и не удастся
Остаться наедине...
С небом...

Включить зажигание —
И рвануться

Навстречу —
Заходящему Солнцу,
Чтобы только небо,
Солнце —
И он...

...ссутулясь,
Он шагнул из ангара...
Расписание полетов
Бумажным комочком
Плавает в луже масла...
(Недотепа механик...)
И почувствовал, как рефлекторно
Сжимаются и разжимаются пальцы,
И бормотнул: «От винта», —
И услышал... практически,
Как рокочет двигатель его «фармана»!..

открытия:
начинает

Точка, точка... запятая...
Может, лирикой заняться?
Описать... на ум приходят:
Сиськи, трусики и смазка...

«Сиськи, трусики» — и сразу
Рефлекторно сжать колени,
Чтоб давление понизить...
Чтоб процесс не продолжался...

К черту сиськи! что в них проку?..
К черту трусики и смазку,
К черту... всех и не упомнишь:
К., И., В. и О., и... к черту?!

Горький: осень

Багряными листьями
Ложатся в его ладони
Письмена его осеннего...
Одиночества...
Прожилками испещрили
Иссохшую ткань
Стремительные строки...

...и зайтись яростным кашлем,
Выхаркивая —
Комочки кровавой слизи,
Выхаркивая себя...
Выхаркивая все те же листья
С тончайшими прожилками...

Багряное Солнце —
Практически, лампа —
Приглушенно мерцает...

Прикрутить фитиль...
...этот багряный свет
Кажется ослепительным,
Многokrратно повторяясь в листьях,
Летящих из его оскаленного рта...

Хотя бы один из листьев...
Лишенный прожилок...
И тогда придет успокоение —
Багряное, лишенное прожилок...
...и он станет писать, —
Своим судорожным дыханием
Прожигая сухую, ломкую ткань...
Писать о невыносимом желании
Вернуть своим откровениям —
Прежнюю непорочную зелень...

Пушкин: замазать

Сходиться...
Медленно-медленно...
...воздух невыносимо густой,
Не-вы-ра-зи-мо...
Так и просится —
На кончик пера...

Дулом Лепажка —
Писать в густом воздухе
Привычные ямбы...
...пащенко барона посчитает,
Что у Пушкина дрогнула рука...
Пусть его...
Зато строчка —
Получилась отменной...

Обмакнуть дуло
В белизну снега

И снова — писать...
...вторая строчка...
Тяжеловата, груба...
Замазать ее —
Еле уловимым движением...

Прищуриться:
Медленный,
Увязвающий в воздухе Жорж
Кажется лишним... слогом...
Замазать его — выстрелом...
Если бы удалось замазать царя
С его Петербургом...
Вот так, росчерком Лепажка
Замазать —
И начать с новой строки...

Маяковский: единственная

Отчаянно цепляться...
За их голоса...
И взгляды...

Они считают его —
Чудовищем...
Они готовы поклоняться
Его размеренным корчам,
Но ни одна из них...
Не стала Ею...

Пистолет...
Изящная вещица...
Практически, «дамская»,
Практически, часть туалета...
Она и пахнет — духами:
Нора фыркала,

Рассматривая затвор и рукоять...
Они до сих пор хранят
Тепло ее пальцев...
Для него...
Только для него...
Хотя бы — эти духи и тепло...

Всю жизнь —
Он — доказывал...
Яростно, остроумно...
Пуля — та же острота,
Только убивающая наповал...
...нет, не острота...
Всего лишь непонимание
Его единственной женщины,
Которой он так и не встретил
В своем разбитом на строфы Аду!..

Цумилев: Африка

Так просто:
Закреть глаза —
И услышать рев льва...
...рука ощупывает нары:
Карабин новейшего образца —
И шкура отправится в Петербург...
...передернуть затвор,
Прицелиться...
Палец застыл на курке...
...львиная грация —
Вызывает восторженную зависть...
Он так и не выстрелит...

Сухое щелканье за спиной...
Неужели проводники?
И, уже возвращаясь назад,
Содрогнуться от понимания:
Еще один отмучился...

Черт...
Товарищи из Чрезвычайки,
Затянутые в кожу, —
Кажутся ему змеями...
Скользкие, шипящие...
Хладнокровные...

Лучше... снова закрыть глаза
И... отставив карабин,
Смотреть на красавца льва,
Окунаясь в жаркое небо Африки,
Которое ложится ему на плечи
И которое обещает ему —
Новое путешествие
В сторону вчерашнего дня!..

Блок: Белоснежная

Белоснежная...
Легонькая...
Неумело прячет смущение
В робких поцелуях,
Целуя даже не губы,
Но его... пальцы,
Иссушенные лихорадкой...

Белоснежная, белоснежная, —
Она вторгается в его сознание
Шелестом шелка —
И еле слышным лепетом:
«Сашенька...
Саша...»
...он тянется...
Всего лишь касание —
Легкое, белоснежное,

Но, оставаясь рядом, —
Она все дальше...
Она...

«Сашенька...»
Суставы вывернуло...
«Сашенька...»
Слова летят изо рта...
Сгустками крови...

Смерть...
И не чья-нибудь, а его, Блока:
Он узнал ее — с самого начала...
И теперь всецело отдается
Ее повелительному «пора», —
Утопая в ее бездонных зрачках...
Ледяных — и бездонных...

Грин: капитан

Физиономия флибустьера,
Дополненная рукояткою...
Пистолета?..
Трости?..
...приятель Макса —
Жонглирует терминами,
Распекая Александра:
Надуманная композиция,
Обилие аллюзий...

Кажется, он только что...
Вывел свою бригадину
Из зоны обстрела,
Настолько яростны —
Его рваные жесты...

Лучше бы этот... г-н
Выкрикнул хрипкое:

«Каррамба...» —
И расписал подробности...
Боя...
Или отступления...
Особенно занимает
Александра...
Скорострельность
Французских орудий...

...а проклятушие аллюзии
Стоит зашить в мешок
И отправить к дьяволу
Вместе с юнгою Т.,
Который подавился —
Случайною пулею...
Или учеными словесами...

Hendrix: кода

Разноцветные приглашения в Рай...
Проглотить целую горсть...
Сухость во рту, но...
Мгновение — и слюна...
Хлынет обильными потоками,
А на висках выступит пот...
...слушать и слышать,
Как таблетки —
Царапают стенки пищевода,
Проваливаясь в желудок...

Упс...
Это, синкопируя, вступает сердце...
Ритм-секция, как всегда, на высоте...
Упс...
Соло-гитарой взвизгнула —
Нервная система...

...немного расстроена,
Но очередная порция «колес» —
И повизгивание перерастет в вой...

Сердечная мышца —
Натягивается пластиком...
Если она не выдержит — и лопнет,
На помощь придут техники из 911...
Их сирена дополнит
Завершающий аккорд боли,
Который вырвется наружу
Через динамик оскаленного рта...

Господи! эта музыка...
Она настолько прекрасна,
Что кодою может стать
Только мгновенная смерть!..

открытия :
начинает

О любви ни слова... к черту?
К черту сиськи!.. «Повторяюсь?» —
А. подумал, закрывая
Документ «о той — и этой»...

Может, выключить «машину»
И не мучиться над рифмой?..
К черту рифмы! что в них проку?..
К черту... трусики и рифмы?!

Просто выключить... и баста:
Он писать не нанимался,
Пусть московские «коллеги»
Пишут, пишут, пишут... к черту!

А., конечно, не писатель...
Так, рифмует понемногу,
Так, «вывешивает» в Сетке,
Так, дробит себя на строчки...

Строчки, строчки, снова строчки,
Только трусики и строчки,
Только... трусиков хозяйки,
Что за строчки отдаются...

А. желает разрядиться,
А. избавиться желает
От желания пустого —
Набирать за строчкой строчку...

Рара Н: рыба

Папа забрасывает удочку
В мутные воды...
Воображения...
В качестве наживки —
Статейка из Times:
Комочек газетной бумаги,
Смоченный текилою...

Рыба клюнет...
Огромная...
Страниц на 400...
Папа вытянет ее
И вспорет ее брюхо
Заедающею кареткой...

Щелк, щелк —
Все пойдет в дело,
Даже требуха...

Щелк, щелк...
Папа разделает
Кровавую тушу...
Щелк...

Надо же,
Отменная наживка,
А на крючке болтается...
Сушья мелюзга...
Ладно, не отпускать же ее,
С рваными жабрами...
«Старик рыбачил...»
Проклятая наживка...
Впрочем, рыбина попалась еще та:
«Совсем один...» — и чешуя...
Сверкнула на Солнце...

Baudelaire: цветы

Метаться...
В бреду...
Зарываться в простыни,
Пытаясь спрятаться...
Все глубже...

Служанка меняет примочки,
Касается его раскаленного тела...
С легким шипением испаряется пот...
Отвратительный, резкий запах...
Распада...

Метаться...
...его строки, сочащиеся отчаяньем,
Оскопила литературная богема...
Кровь, проступающая между строк, —
Они присыпали ее тальком благоразумия...
Их комментарии — девственны и пусты...

Но распахнуться навстречу —
Гнилостному дыханию Парижа,
И уже не отупевшие, сонные парижане,
Но, тоненькие, белесые, —
Ложатся ему в ноги
Цветы его жизни...
Ложатся —
И опутывают...
И проникают в плоть...
И сливаются с нею...
И сам он — становится ими...
И тянет свои лепестки —
Навстречу восходящему Солнцу,
Которое испепелит его хрупкий стебель
Легким прикосновением Господней любви...

Rimbaud: господин

Африканское Солнце
Обжигает бритый затылок...
Мальчишка-проводник
Называет его господином...
Он куда ближе Артюру —
Заносчивых денди,
Пусть от его черной кожи
Пахнет не притирками...
Или духами...

Господин...
Что за...
Уродливое слово...
...но слова отныне —
Всего лишь песок,
Скрипящий на зубах...
Сплюнул — и забыл...
Навсегда...

Проклятое Солнце,
Проклятый песок...
И мальчишка...
Все лопочет о сердце,
Что замирает...
В присутствии господина...

Проклятое Солнце...
Но лучше уж Солнце,
Обжигающее затылок,
Чем ночные, странные сны,
В которых нет господина А. Р.,
А есть гениальный провинциал,
Свято верующий в силу —
Наскоро зарифмованных строк!..

Булгаков: диктовать

Боль...
Начинается...
У основания хребта,
Поднимается размеренно
По нервным окончаниям...
И остается в почках...

Сознание поднимается
Вместе с болью,
Но поднимается выше...

Возле постели застыла...
Молчаливая...
Внимательная...
Жестами —
Подозвать ее...
Жестами —
Объясниться с нею...

А когда она откроет
Конторскую книгу —
Вместилище его боли, —
Позволить сознанию...
Вырваться —
Из задыхающей плоти,
И уже оттуда —
Из надмирного сияния —
Сбивчиво диктовать:
«Весеннего месяца нисана...»
Диктовать, зная,
Что Елена Сергеевна,
Т. е. отныне и впредь —
Его Маргарита...
Не упустит ни единого слова...

Гоголь: кучер

Слышать не участливое
Бормотание доктора
И даже не сопение прислуги...
...Селифан чертыхается
И машет кнутом...
Да вкось как-то...
Опять хватанул лишку...
Выбранить бы его,
Да силы не хватит:
Растрясла дорога...

«Николай Васильевич...»
Какой же он... Николай?
И ослабился Селифан:
Думает, сволочь,
Что горячка у барина...
...так вот, развалиться —

И молча, с улыбкою,
Всматриваться в глаза...
Мертвые и пустые...

Ни единой живой души...
Кажется, что и Русь-матушка
Провожает его все теми же...
Мертвыми и пустыми...

И хохочет Селифан,
И не Селифан даже, —
Русь хохочет —
И ударяет кнутом,
И подмигивает барину озорно,
Дескать, не сумлевайтесь,
Батюшка Павел Иванович,
Мертвые... как есть, мертвые...

Врубель: маза

Рисовать, рисовать...
И снова рисовать...
...ах, ведь ежели —
«Официальные» ангелы
Не замечают М. А.,
То, может, его собст.
Обратит на него...

Экое святотатство —
Заставить —
Каноническую физию
Благожелательно...
Улыбнуться...
...достаточно легкого мазка —
И его, М. А., — услышат...

Но ведь он... никогда
Не изменял собст. правде,

И сейчас...
Он не посмеет —
Подправить...
И его ангел —
Все так же посмотрит...
Мимо него...

Зажмуриться —
И заплакать...
...слезы смазывают
Продуманность линий,
Но ангел... вернее, его глаза,
Размытые слезами М. А.,
Становятся все светлее...
И, кажется, светятся они
Тихою любовью — и пониманием...

Тынянов: строка

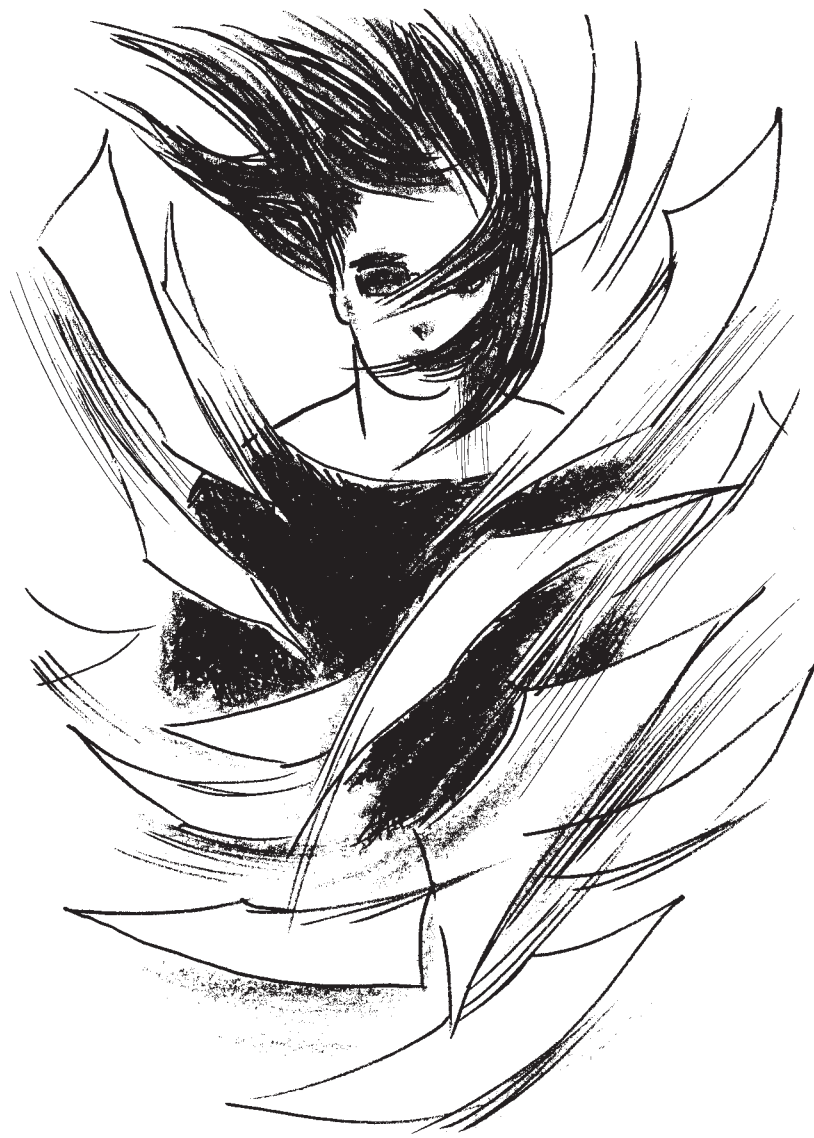
Не человек,
Но литеры, —
Разбросанные —
В больничной постели...

Они еще хранят —
Следы краски,
Хранят тепло...
Но как прочитать
В этом хаосе —
Привычные строчки?!

И вдруг —
Чей-то голос...
Точно перебирает
Свинцовый хлам...
Перебирает —

И выстраивает...
И ровняет...
И чуть ниже —
Собирает вторую...

И звучит...
Уже из постели...
Еле слышное,
Но вполне разборчивое:
«Замена счастью...»
И на выдохе —
Коротком —
«Она»...
И узнавая голос,
И ужасаясь собст. худобе:
«Витенька, милый...»
И снова — о счастье...

открытия :
начинает

А. легко коснулся клавиш,
Бормотнул: «Катитесь к черту», —
И ударил... машинально, —
И восторгом захлебнулся...

Нет, не строчка и не рифма,
Не изысканные тропы, —
Ветер солнечный, соленый
Появился в мониторе...

Машинально, машинально,
Маши- , маши- ... тихо, тихо,
До чего же стало тихо:
Ни гудения, ни треска...

«Заключенный» в цифру ветер
Разрывал Систему в клочья,
Разрывал, и все резвее —
Бился в плоскость монитора!..

А. уже не видел клавиш,
Ни о чем уже не думал:
Он Систему рвал и он же
Бился в плоскость равномерно...

Никакой уже Системы...
Сотрясается Система...
Та же плоскость, сотрясаясь,
Еле сдерживает натиск...

London: обернуться

Хриплое...
Надсадное дыхание...
...не видеть, но чувствовать,
Как вжимается в снег —
Горячее брюхо...

Черт, но это...
Это уже не страница,
Это — за его, Джека, спиною...
...проклятая горячка:
Стоит взяться за черновик,
Как снова это хриплое...
И тающий снег...
И рывок...

Бумага...
Становится влажною,

Строчки...
Плывут...
Тающий снег?..
Или... пот?
...какой-то десяток строк...
Может, скомкать —
И снег, и дыхание?!

И обернуться...
Навстречу...
Хриплому...
Надсадному...
И ударить пулею
Причастного оборота,
И, добивая точкою,
Услышать поскуливание
И собственный смех...

Блок: незнакомка

Кожанка...
Не сходится на груди,
Маузер...
Кажется, так называется
Ее грозное оружие...
(То и дело, она похлопывает
По массивной рукояти...
Демонстративно...)

Помесь —
Мадонны и фурии...
Она подписывает...
Приговоры...
Даже не глядя...
Выводит замысловатое:
«Комиссар N—ская»,
И снова...

Не глядя...
И снова...

И все же...
Она и есть —
Его единственная
На данный момент...
Незнакомка?..
Россия?..

...не все ли равно,
Если достаточно —
Одного ее взгляда,
Одного ее одобрения,—
И распахнутся над ними
Новые, революционные небеса,
Омытые кровью — и нежностью..

Андреев: слезы

Стрекочет «машинка»,
И... швыряет Иуда
Проклятые оболы
В лисью морду
Первосвященника...

...и ударяются монеты —
О лист черновика —
И оставляют
На его поверхности
Тяжкие огненные знаки...

И мечется каретка,
И не успевает она
За оболами Искарюта,
И не успевают за оболами
Нервные пальцы Леонида...

...он уже не сочувствует —
Горю Предателя,
Он —
Следит безучастно
За летящими монетами:
Каждая из них —
Попадет в сердце Каиафы...

...и когда рассмеялся Иуда
Точности своих бросков,
Отошел Леонид Николаевич
От его горделивой... спины —
И заплакал, проклиная...
Весь род человеческий...
И застрекотала его «машинка»,
Плачущая слезами —
Его горьких писательских слов...

Пушкин: выстрел

Перо...
Останется в чернильнице,
Черновик письма разорван...
В клочки...
Неужели —
Простить?..
Но кого — ее или Жоржа...
Или...
Замахнулся?
На сокровенное?
О, если бы — действительно —
Бросить вызов...

Но молчи...
Душа...
Даже эта плутовка —
Обязана молчать...

Т. к. все вслушивается...
В молчание Александра:
Приборы и чернильница...
Чтобы расслышать...
И донести...

Оттого и разорван —
Злополучный черновик,
Оттого и останется —
В чернильнице перо,
Но выстрел все же за ним,
И он — выстрелит...
Перо... дрогнуло:
«И милость к падшим...»
Все, господа...
Врач не потребуется...
Кажется, в сердце...

Рара Н: порядок

Какая странная физиономия
У этого... рассыльного:
Он вроде бы не узнал Папу,
Но цепкие его глазки, —
Они остановились...
На папиных руках...
Трясущихся...

Неужели СiА направило
Папу по ложному следу?
Он же видел «их человека»
В благообразном садовнике...
Оказывается, рассыльный...
...что за идиоты:
Даже в папином Старике
Они умудряются найти —
Завязтого большевика...

Уж лучше бы они...
Застрелили Папу,
Подстроили аварию...
Ведь невыносимо же —
Изо дня в день —
Чувствовать на себе
Их неусыпное внимание...

Они следят —
За каждым его движением...
Бесстрастные и безликие
Стражи... Порядка,
Того... черт подери, Порядка,
С которым никак не уживаются
Ни сам Папа, ни его странноватые,
Вовсе уж беспорядочные герои...

Шалапин: царь

Ужаснулся —
Оплошности дирижера:
Фраза уже провалена...
Теперь не вытянуть...
Ах, мерзавцы, —
На прочность его проверяют...
А уж критика на подхвате:
Тиснуть статейку —
Дело плевое...

Поморщился...
Борис... или Федор?
Крякнул, досадуя...
Федор... или Борис?

Румянец гневный
Проступил сквозь белила,

Желваки ходуном...
Руки...

Надо же, роль заглавная —
И не вытянул...
...и в яму оркестровую
Вонзил перст, указуя,
И такую злобою...
Истовой злобою
Полыхнул в миг единый,
Что уже не Федор,
Но Борис, но царь —
Охнул посохом —
В пол щелястый...
И губами одними:
«Ох, семя поганое...
Будет тебе... ужо...»

Baudelaire: черновики

Можно оставаться
В гостиничном номере,
Уткнувшись в черновики,
И все же — теряться при этом
В улочках нищенского Парижа...

Просто пачкать листы
Причудливой вязью...
И —
Задышаться от смрада...

Тусклый, обманчивый свет...
Кажется, один из притонов...
...и распахнуть дверь, —
И хмурая m-me Зизи —
Станет нахваливать ему
Своих питомиц...

Чертыхаясь и покачивая...
Бедрами, грудью...
...как же легко ему даются
Именно эти твари:
2-3 строки —
И его захлестывает —
Их томительный жар...

Так,
За черновиками
Он растворяется
Без остатка —
Во тьме и зловонии
Парижского дна,
Чтобы в момент —
Окончательного падения —
Встретить — настоящее Солнце...

открытия :
нигде

Равномерно, равнозначно
Человек — а может, ветер —
Бьется яростно, желая
Через плоскость в мир прорваться!..

В мир не цифры, но дыханья,
Мир движения и жизни...
Чтобы сделаться дыханьем,
Чтобы жизнью воплотиться...

...в глубине еще сознания
Информация звучала
О похмелье и о сиськах...
О беспочвенном восторге...

И о том, что строчки — строчки,
И о том, что А. ...но дальше —
Лишь могучие порывы...
Лишь движенье без начала...

Пусть потом, мигая словно,
Монитор мерцает резво,
А в глазах своих и пальцах
Сохранит частицу ветра...

И, конечно, он не строчки
Прочитает в мониторе,
Но дыхание, но силу,
Но желание прорваться...

Содержание

Вступительное слово [5]

Отступление: писатель [11]

Rimbaud: труба [14]

Whitman: звезды [16]

Baudelaire: облака [18]

Пушкин: трясет [20]

Блок: пощечина [22]

Андреев: шляха [24]

Юровский: навсегда [26]

Содержание

Отступление: писатель [29]

Rimbaud: супружество [32]

Гагарин: полет [34]

Vukowski: пробел [36]

Рушева: смех [38]

Richthoffen: соперник [40]

Достоевский: падучая [42]

Пушкин: шестой [44]

Отступление: писатель [47]

Мусоргский: партитура [50]

Napoleon: карта [52]

Bradbury: рукопись [54]

Врубель: естество [56]

Morisson: сердце [58]

De Sade: мораль [60]

Rimbaud: ветер [62]

Отступление: писатель [65]

Булгаков: трубка [68]

Bradbury: ракета [70]

Che: урок [72]

Савинков: детонация [74]

Misima: время [76]

Nietzsche: капли [78]

Мациевич: штурвал [80]

Отступление: писатель [83]

Горький: осень [86]

Пушкин: замазать [88]

Маяковский: единственная [90]

Гумилев: Африка [92]

Блок: белоснежная [94]

Грин: капитан [96]

Hendrix: кода [98]

Отступление: писатель [101]

Рара Н: рыба [104]

Baudelaire: цветы [106]

Rimbaud: господин [108]

Булгаков: диктовать [110]

Гоголь: кучер [112]

Врубель: глаза [114]

Тынянов: строка [116]

Отступление: писатель [119]

London: обернуться [122]

Блок: незнакомка [124]

Андреев: слезы [126]

Пушкин: выстрел [128]

Рара Н: порядок [130]

Шаляпин: царь [132]

Baudelaire: черновики [134]

Отступление: писатель [137]

Николай Столицын
ХРОНИКИ ХАРОНА

Художник: А. Л. Прилепский
Корректор: А. . Вакуленко
Верстка: В. А. Воробьев

Подписано в печать 20.09.07
Формат 70×100 ¹/₃₂, Гарнитура Лазурский
Печать офсетная